

Академія

Личный архив

ФРИДА

ВИГДОРОВА

ПРАВО ЗАПИСЫВАТЬ

Москва

Издательство АСТ

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
В41

Охраняется Законом РФ «Об авторском праве и смежных правах». Воспроизведение книги любым способом, в целом или частично, без разрешения правообладателей будет преследоваться в судебном порядке

Издательство благодарит Елену Вигдорову и Александру Раскину за помощь в подготовке книги и за предоставленные фотографии.

Фотография на обложке — Фрида Вигдорова, 1958 г.
Фото С.А. Круглова

Вигдорова Ф.А.

В 41 Право записывать. – Москва: Издательство АСТ, 2017. – 416 с. – (Личный архив).

ISBN 978-5-17-102287-7

«Право записывать» — это книга статей, очерков, записей журналистки и писательницы Фриды Вигдоровой (1915 – 1965). Большая ее часть построена на архивных материалах — писательских и журналистских блокнотах, в которых проявилась одна из главных особенностей таланта Вигдоровой: абсолютный слух на людскую речь и способность художественно воспроизводить услышанное многоголосье. В книгу включена также глава из ее неоконченной повести «Учитель». Помимо текстов Вигдоровой, в книгу вошли фрагменты воспоминаний, статей, выступлений, посвященных ее жизни, творчеству и деятельности. Большая часть материалов публикуется впервые.

Тексты Фриды Вигдоровой публикуются с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-102287-7

© Ф.А. Вигдорова, наследники, 2017
© Е.И. Вигдорова, А.А. Раскина, составление, комментарии, 2017
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

Разве можно лишать журналиста его естественного права видеть, записывать, добираться до смысла происходящего?

(Из письма Ф. Вигдоровой редактору «Литературной газеты» А. Чаковскому.)

От составителей

Более полувека прошло со дня смерти писательницы и журналистки Фриды Абрамовны Вигдоровой — она умерла 7 августа 1965 года (родилась 16 марта 1915 года). Ее книги «Мой класс», трилогия «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка», диалогия «Семейное счастье», «Любимая улица» известны читателю и переиздавались в последние десятилетия. Не затерялись в современном книжном мире и недавно впервые опубликованные материнские дневники «Девочки».

Вигдорову-журналиста знают сегодня в первую очередь благодаря ее записи суда над поэтом Иосифом Бродским. Мы стремились не только создать более полный портрет писателя-журналиста, но и помочь людям нового века увидеть непростую, драматическую, а порой и трагическую эпоху, которая вошла в историю под именем Оттепели. В книге использованы архивные материалы — блокноты, письма, публицистика Фриды Вигдоровой, воспоминания о ней современников.

Книга открывается воспоминаниями близкого друга Фриды Вигдоровой, писательницы И. Грековой, которая рассказывает о ее жизни и творчестве и при этом тщательно воссоздает ее образ: ее речь, ее смех, ее внешний облик — и читатель видит и слышит Фриду Вигдорову. С помощью И. Грековой он как

бы знакомится лично с автором книги, которую ему предстоит прочесть.

Раздел «Статьи, очерки, блокноты журналиста» открывается шестью статьями и очерками Вигдоровой, которые публиковались в оттепельный период в газетах и в альманахе «Тарусские страницы»: альманах вышел в 1961 г. и в том же году был запрещен; некоторые из них даны нами в сокращении — мы хотели лишь показать читателям, с каким трудом прорывалась гласность и как звучали в то время слова журналиста Фриды Вигдоровой.

Центральное место в разделе занимают «Блокноты журналиста». Записанные без оглядки на цензуру напыщенные речи власть имущих, горькие жалобы деревенских стариков, слова горожан и колхозников, которые в начале оттепели вдруг заговорили свободно... Блокноты предшествовали статьям, и записи в них по понятным причинам были полнее, а порой — по тем же причинам — и не превращались в статью. Некоторые сюжеты мы даем только по блокнотам.

Помимо заготовок к статьям или более полных вариантов статей, блокноты включают в себя и беглые зарисовки увиденного, услышанного — как пишет сама Вигдорова, «в вагоне, на печке, на улице». В этих неподцензурных блокнотах свободно, в полный голос говорят не только многочисленные герои, но и сам автор.

Раздел завершает очерк Александры Раскиной «Вокруг статей». В нем рассказывается о судьбах тех, о ком писала Ф.А., и о том, как происходила ее борьба за них. В очерк Раскиной включены и переписка Ф.А. с друзьями, связанная с материалами статей, и отрывки из воспоминаний Н.Г. Долининой и О.Г. Чайковской.

Следующий раздел — «Блокноты депутата». В 1963 году Фрида Вигдорова была избрана депутатом райсовета Фрунзенского района г. Москвы. Ее кандидатуру выдвинул Союз писателей, и Ф.А. согласилась баллотироваться, так как считала, что это даст ей какие-то полномочия и ей будет легче хлопотать за людей, в том числе и за Бродского, которого уже начали травить

в Ленинграде. На деле же оказалось, что должность депутата районного совета никаких полномочий не дает. Просто, кроме множества дел, которыми Ф.А. занималась, на нее свалилось огромное количество жалоб избирателей на их невыносимые жилищные условия. Эти жалобы никто разбирать не хотел, и ничего, чтобы сделать жизнь людей более человеческой, не делалось. А ведь речь шла даже не об отдельных квартирах — о комнатах! И Ф.А. приходилось обивать пороги начальства, просить за этих несчастных и добиваться, чтобы их переселили. За полтора года депутатской работы она добилась переселения ста (!) семей. Она занималась этими делами почти до самого конца жизни.

Во время своего депутатства Ф.А. вела записи — монологов-жалоб избирателей, а также помпезных и одновременно безграмотных речей начальников

Ф.А. сама отобрала самые сильные записи из своих журналистских и депутатских блокнотов и подготовила их к публикации (при этом Ф.А. изменяла фамилии людей, появляющихся на страницах этих записей). Конечно, эти «Блокноты» не могли увидеть свет при жизни Ф.А. Однако она читала их друзьям и знакомым, и сохранились даже магнитофонные записи этих чтений. В «Блокнотах» проявился главный дар Вигдоровой — абсолютный слух на людскую речь и способность художественно воспроизводить услышанное многоголосье. За последнее время накопилось множество воспоминаний — в дневниках, письмах, мемуарах — о впечатлении, которое эти записи производили. О блокнотах восторженно отзывались Лидия Чуковская, Анна Ахматова, Варлам Шаламов, Надежда Мандельштам, И. Грекова и др. А Корней Иванович Чуковский в своем дневнике за 12 декабря 1963 года так прямо и пишет: «Была Фрида Вигдорова. Записи ее гениальны: «Блокнот журналиста» и «Блокнот депутата.» (Корней Чуковский. Дневник 1936 — 1969. М.: ПРОЗАиК, стр. 375).

«Блокноты журналиста» и «Блокноты депутата» были напечатаны только через 40 лет после ее смерти (в малотиражном и

труднодоступном втором выпуске «Тарусских страниц» в 2003 г. и в журналах «Новый мир» и «Звезда» в 2005 г.). В эту книгу мы включили и не вошедшие в публикации записи — те, что хранятся в архиве. Мы старались не нарушать композиционную законченность «Блокнотов» и никаких записей, найденных в архиве Вигдоровой, не вставляли в подготовленные ей самой тексты. Найденные нами записи «на депутатскую тему» мы объединили в отдельную главку под заголовком «Записи, не вошедшие в блокноты депутата», а если среди архивных записей попадались записи на сюжеты из «Блокнотов журналиста», мы делали к ним соответствующие примечания.

Особое место в журналистской деятельности Фриды Вигдоровой занимает запись суда над Бродским: это первый правозащитный документ в СССР и одно из первых широко циркулирующих произведений Самиздата. Не случайно «светлой памяти Фриды Вигдоровой» посвятил свою знаменитую «Белую книгу», составленную из документов по делу Даниэля и Синявского, Александр Гинзбург. Это дело было начато через месяц после смерти Ф.А., и, защищая арестованных писателей, люди, борющиеся с беззаконием и несправедливостью, учитывали опыт Ф.А.

На вечере памяти Фриды Вигдоровой, который проходил в «Мемориале» в июне 2015 года и был посвящен ее столетию (см. в Сети: <https://www.youtube.com/watch?v=RJ88Lcpxa0c>), известный правозащитник Павел Литвинов, а также педагог и литературовед Эдуард Безнососов рассказывали, как в те далекие 60-е годы ее запись определила их дальнейший жизненный путь, а писатель и поэт Анатолий Найман поместил запись Ф.А. в литературный контекст, сравнив ее с античной пьесой. После самой записи мы приводим в книге тексты выступлений на этом вечере Павла Литвинова, Эдуарда Безнососова и Анатолия Наймана.

Благодаря записи суда над Бродским, сделанной Фридой Вигдоровой, «дело Бродского» прогремело на весь мир. Запись эта послужила в конце концов освобождению поэта из ссылки

и сыграла важную роль в его дальнейшей судьбе. Она немедленно была опубликована за границей — сначала в переводах, а потом и по-русски. В нашей же стране — лишь в декабре 1988 года в журнале «Огонек» под названием «Судилица» (публикация А.Раскиной, предисловие Лидии Чуковской, комментарии Э.Безносова) и с тех пор никогда и нигде у нас не была напечатана в том виде, как она была написана, кроме Сети, где она помещена на нескольких сайтах. К сожалению, часто она приводится с опечатками и неточностями. В этой книге мы повторяем огоньковскую публикацию (вместе с кратким предисловием Чуковской), которую считаем образцовой.

Текст «Судилица» мы приводим после статей, «Блокнотов журналиста» и «Блокнотов депутата». Такое расположение не случайно. Дело Иосифа Бродского, оказавшееся последней битвой Фриды Вигдоровой, дело, которое она считала провалом, но которое кончилось полной ее победой (чего ей уже не довелось увидеть), было абсолютно естественным продолжением и кульминацией ее постоянной деятельности по спасению несправедливо обиженных.

Помимо журналистских и депутатских блокнотов, мы публикуем и то, что мы условно называли «Блокноты писателя». В архиве Ф. А. хранятся эти небольшого формата тетрадки, исписанные ее быстрым почерком. Внутри — впечатления, мысли, услышанные диалоги и реплики, курьезы, детская речь, портреты, сценки и целые монологи героев будущих книг. А еще — выписки из Толстого, Герцена, Достоевского, Ремизова, Бердяева, Ренара — часто с комментариями. И стихи, стихи, стихи... И молодых, и уже известных поэтов. В основном — неопубликованные. Всё это — строительный материал для статей и книг, отражение ее размышлений и наблюдений. Мы приводим лишь часть этих записей, но и по ним ясно, как остро Ф.А. воспринимала всё, что вокруг нее происходило.

После «Блокнотов писателя» мы помещаем последний текст, принадлежащий перу Фриды Вигдоровой, — главу из неокон-

ченной повести «Учитель», над которой она работала до конца жизни (повесть опубликована в журнале «Звезда», № 4 за 2016 год¹). Мы считаем возможным поместить фрагмент художественного произведения Ф.А. в книгу ее публицистики, так как глава эта, построенная на рассказе-исповеди вагонного попутчика, имеет публицистическую основу, как и многие другие «услышанные» Ф.А. монологи, диалоги, устные рассказы (ср. записанный Фридой Абрамовной рассказ М.Зощенко, помещенный ею в «Блокноты журналиста»). Про эту исповедь попутчика Фрида Абрамовна рассказывала Надежде Яковлевне Мандельштам, и та пересказала ее в своей «Второй книге» (глава «Назидательная история»)², так как «не хотела, чтобы эта история пропала». Но и Фрида Вигдорова не хотела, чтобы она «пропала», и поместила ее в свою повесть, интерпретировав ее не так, как Надежда Яковлевна, а значительно жестче.

Помимо текстов Фриды Вигдоровой, в книгу включены и некоторые другие материалы. Вместо предисловия мы дали воспоминания о ней И. Грековой, а в качестве послесловия — мемуары Надежды Яковлевны Мандельштам, недавно опубликованные в «Октябре». Надежда Яковлевна много внимания уделяет «Блокнотам журналиста» и «Блокнотам депутата», а также рассказывает — как очевидец и участник событий — о борьбе Ф.А. за освобождение Иосифа Бродского. Журналистский раздел завершается воспоминаниями Александры Раскиной — очерком «Вокруг статей». Ее же статья «Фрида Вигдорова и дело Бродского: мифы и реальность» завершает публикацию «Судилица» и сопутствующих материалов.

¹ В Сети, в Журнальном зале: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2016/4/uchitel.html>, помещена полная версия этой публикации, без каких бы то ни было неточностей. Однако в бумажной версии журнала допущена досадная ошибка: на обложке журнала и в оглавлении вместо названия повести «Учитель» дано название «Читатель».

² Н. Мандельштам. Собрание сочинений в 2-х т. Т. 2. — Екатеринбург: Гонзо, 2014. С. 556–558.

В заключение мы хотели бы от всего сердца поблагодарить:

редактора журнала «Звезда», историка Якова Гордина, чьи статьи и книги о деле Бродского являются образцовыми по верности событиям и точности изложения и кто на протяжении многих лет публикует в своем журнале как произведения самой Ф.А., так и воспоминания о ней;

мандельштамоведа Павла Нерлера, публикатора воспоминаний Н.Я. Мандельштам о Фриде Абрамовне, который подключил нас к работе с этим очерком, а также способствовал публикации неоконченной повести Ф.А. «Учитель»;

филологов, историков и архивистов Ольгу Розенблюм и Марию Майофис, чьи научные интересы включают жизнь, деятельность и литературное наследие Фриды Абрамовны, — они знают об этом подчас больше, чем мы сами, и всегда готовы поделиться этими знаниями;

сотрудницу Литературного агентства ФТМ Татьяну Соколову, без заботы которой и ее высокого профессионализма ни одна книга Ф.А. из тех, что вышли за последние 6 лет, не увидела бы свет;

нашего друга, художника Эрика Первухина, без помощи и советов которого мы не смогли бы подготовить к публикации ни одной из иллюстраций из нашего семейного архива;

всех тех наших близких — родных и друзей, филологов и не-филологов, с которыми мы постоянно советовались в ходе работы над этой книгой; и отдельно — Анну Шур, редактора издательства «Розовый жираф», чья профессиональная помощь была нам очень нужна, потому что мы хотели сделать книгу интересной не только для тех, кто помнит пятидесятые и шестидесятые годы прошлого века, но также — а может быть, и в первую очередь! — для тех, кто родился и живет уже в другую эпоху;

и наконец, нельзя не упомянуть, как остро нам не хватало в работе над этой книгой Елены Цезаревны Чуковской,

которая ушла от нас в 2015 г. Елена Цезаревна опекала буквально каждую книгу Ф.А. с 2011 по 2014 г. и щедро делилась с нами своими обширными познаниями, а также материалами из личных архивов К.И. и Л.К. Чуковских. Светлая ей память!

Некоторые пояснения к именам членов семьи Ф.А., которые она иногда упоминает в письмах или «Блокнотах писателя»:

Шура — Александр Борисович Раскин (1914 — 1971), писатель-сатирик, муж Ф.А.

Галя — Галина Александровна Кулаковская, в замужестве Киселева (1937 — 1974), дочь Ф.А. от первого брака.

Саша — Александра Александровна Раскина (р. 1942), дочь Ф.А. и А.Б. Раскина.

И. ГРЕКОВА

Свет доброты¹

Это был человек необычайной, удивительной прелести. Все вспоминающие о ней говорят прежде всего о ее глазах и взгляде. Глаза были большие, блестящие, темно-карие — особенный, светоносный, полный доброты, ума и какого-то веселого понимания взгляд. Лучащиеся черным глаза...

Тепло и свет, исходившие от Фриды, ощущали все, соприкасавшиеся с нею. Товарищи по работе, писатели, журналисты, все люди, обращавшиеся к ней за помощью, угнетенные, притесненные — «имя им легион». И те, кто помогал ей самой, врачи, сестры, санитарки в больнице. И просто соседи по дому, лифтеры, уборщицы. «Какого обаяния женщину я сегодня прооперировал!» — сказал своим коллегам знаменитый хирург, оперировавший Фриду во время ее последней, смертельной болезни.

Пытаясь о ней писать, я всё время сознаю бессилие слов. Слова остаются по одну сторону, а Фрида, какая она была, — по другую.

¹ Статья опубликована в «Литературном обозрении», 1996, № 3, стр. 66—67 под названием «О Фриде Вигдоровой».

Счастлива она была или несчастна? Как посмотреть... Если для счастья нужно, чтобы тебя любили, — Фрида была счастливейшим человеком. Ее любили все: родные, близкие, знакомые, ползнакомые. Даже те, кто никогда не видел ее в лицо, только читал ее книги. Сотни читательских писем приходили к ней постоянно.

Если же для счастья нужен покой, то Фрида Вигдорова была несчастнейшим человеком: у нее никогда не было покоя. Ей были близки злоключения, беды и страдания такого широкого круга людей, что трудно понять: как она ухитрялась всё это в себя вместить? Работа журналиста, а в последние годы и депутата районного Совета сталкивала ее со множеством людей, их судьбами, заботами. Скажем, деревенские старики, которым председатель колхоза не давал соломы на прохудившуюся крышу. Калек и слепые в инвалидном доме. Учительница музыкальной школы, чуть не погибшая от бессердечия, ханжества, лицемерия. Подросток с тяжелой судьбой, сбившийся с пути, попавший в колонию. Всех не перечесать! И все эти судьбы Фрида Вигдорова собирала в свою душу. Приезжала с корреспондентским билетом на место происшествия. Смотрела, что к чему, кто виноват, кто прав, разбиралась, заступалась, ходатайствовала... И часто ей задавали один и тот же вопрос: «Кем вы ему (или ей) приходиться?». Да никем она им всем не приходилась. Человеком...

Множество людей выручала, опекала, поддерживала Фрида Вигдорова. Главным для нее была подлинность страдания, а этого не подделаешь. Всё время она за кого-то заступалась, что-то отвоевывала... Звонила по разным инстанциям, ходила лично, просила помочь... Вот где ей служило добрую службу ее обаяние: человеку с такими глазами, с такой улыбкой, как у Фриды, трудно было отказать! Как она радовалась при удаче, а при неудаче как близко и горько принимала происшедшее к сердцу!

Ее доброта отнюдь не была беззубой, неразборчивой. Встречаясь со злом, бюрократизмом, подлостью, она вступала в борьбу. Но и борясь — не ожесточалась. Вера в человека, в человеческое всегда брала в ней верх над горечью и разочарованием.

А разочарования бывали, и связаны они были с ее заступнической деятельностью. Случалось, объект защиты оказывался недостойным ее. А то еще и другие сложности: ревность, взаимные обиды. По свойству характера Фрида каждому делу, которое она вела, отдавала всю себя, всю душу. Но вот проходила эта беда, на горизонте появлялась новая, и Фрида с той же самоотверженностью и увлеченностью бросалась на помощь. А тот, кто был раньше в центре внимания, теперь оказывался на периферии и не всегда помнил, что подопечных много, а она — одна. Некоторые начинали ревновать, обижаться, видя Фридину поглощенность уже другими судьбами... Неразумные люди! Несправедливая горечь таких обид была единственной тенью в мире светлой, всеобщей любви, окружавшем Фриду.

«Нет для меня чужих» — вот что было важнейшей заповедью, под знаменем которой она жила. Характерен эпизод из ее повести «Семейное счастье». Война, эвакуация, Ташкент. Старшая дочка героини повести Саши Москвиной (в ее образе немало автобиографических черт) лежит в больнице, в scarлатинозном бараке. Саша тайком, украдкой пробирается в этот барак. Прорвавшись к дочери, Саша целует ее, обнимает, ласкает, кормит и только потом замечает пристальный взгляд мальчика Шурки, лежащего в той же палате. Взгляд Шурки без слов говорит: «Вот у девочки есть мама, а у меня — нет...». Когда Аня уснула, Саша бросается к Шуркиной кровати, берет малыша, всхлипывая, целует его, обнимает... Потом, когда сестра выпроваживает непрошеную гостью из палаты, Саша бежит по лестнице, по темной улице, плачет. «Никогда, — говорит она себе, — ни за что, никогда. Чужих нет. Все мои. И как же я могла? Взяла Аню и хожу. Никогда! Ни за что!» И бессмысленное это бормотание — как клятва».

Есть писатели, которые охотно и по любому поводу пускают в ход так называемые «высокие слова». Фрида Вигдорова не из их числа. И вдруг неожиданное, необычно высокое слово «клятва». Мне кажется, это не просто клятва медсестры Саши Москвиной. Это клятва самой писательницы Вигдоровой. Это — ее чувства, ее крик души: «Нет! Никогда! Ни за что не забуду: чужих нет. Все мои».